

Юлия Дитрих

Свет
КЛИНОМ

Дракониха медленно открыла глаза. Он возвышался над ней, закрывал мощной грудью. Она осторожно пошевелила крылом, тело пронзила острая боль. Она опустила голову на холодные камни. «Это конец», – пронеслось в затуманенном сознании. «Это конец» – послала она свои мысли ему. «Никогда! Слышишь, никогда!» – раздался громopodobный рык в её голове.

Он расправил над нею чёрные крылья, закрывая собой, защищая. Его горло раскалилось как солнце. Во взгляде светилась ярость. Он медленно разворачивался к наступающим людям. «Никогда» – слышала она, закрывая глаза, сил оставалось ровно на то, чтобы сделать ещё один вдох.

«Любовь одного дракона»

Тильда Лин

1.

Настоящее. Лица

Стою перед дверью и задыхаюсь. Третий этаж, а я словно марафон пробежала.

Может, стоит спуститься и позвонить в домофон?

Оглядываюсь, тут ничего не изменилось. На двери квартиры всё те же глазок и латунная ручка. Подъезд перекрасили, но остальное – по-прежнему.

Этот подъезд знает нашу историю. Эти стены много повидали.

Сердце больно трепыхается в горле.

Нажми на кнопку звонка. Жми!

Сжимаю кулаки и пытаюсь успокоиться. Перед глазами медленно плывёт голубой цвет, потом лиловый.

Жми же, давай!

Поднимаю руку и смотрю на дрожащие пальцы. В глубине квартиры раздаётся какой-то звук. Вздрагиваю и надавливаю на злосчастный

звонок.

И ничего! Не происходит совершенно ничего! Звонок не работает! Чёртов звонок сломан!

За спиной открывается дверь. Оборачиваюсь, на площадку выходит девушка. Смотрит с любопытством:

– Вы к Мироновым?

Киваю.

– А у них звонок не работает, вы стучите. Хотя тётя Таня, скорее всего, на работе, – советует девушка и спускается по лестнице, всё ещё разглядывая меня.

Наклоняюсь в просвет между перилами:

– Спасибо!

– Да не за что! – пожимает она плечами и бежит дальше, перепрыгивая через ступеньку.

Глубоко вздыхаю и, прежде чем окончательно струсить, стучу в дверь.

Стучу и замираю.

Хочу услышать, как он подойдёт к двери. Но шум крови в ушах заглушает всё вокруг. Время в ожидании становится осязаемым. Мурашками оно сползает от затылка вниз по шее, холодом между лопатками. Наконец, перехватывает поперёк горла.

Когда дверь распаивается, от неожидан-

ности делаю шаг назад.

Передо мной стоит он!

Тима...

Сколько раз я представляла себе это. Сколько раз закрывала глаза или отворачивалась к окну, только для того, чтобы представить себе, как он распахивает эту чёртову дверь. Сколько раз засыпала, представляя одну лишь только эту сцену на повторе.

На его лице отражается шок. Глаза говорят со мной без слов. Так было всегда. Я хочу улыбнуться, но не могу. Хочу вдохнуть, но тоже не могу. Паника охватывает меня, и я делаю единственно возможную вещь – шаг вперед, и обнимаю его.

Его запах... Это и вправду он!

Поднимаю голову, чтобы заглянуть ему в глаза. Он всё ещё не сказал ни слова, но поднял руки и обнял меня в ответ. Судорожно выдыхаю.

– Хочешь зайти? – спрашивает он без улыбки.

Я хочу. Нет, не просто хочу. Я ждала этого три долгих года.

2.

Прошлое. Лица

– Привет, Личчи! Проходи!

Женька хорошенькая, как со страниц журнала – в белой водолазке, клетчатой юбочке и белых колготках.

– Привет, именинница! Желаю тебе много ума и самую лучшую на свете подругу! – торжественно произношу я.

– Ай, да ну тебя! Лучшая подруга у меня уже есть.

– Да? И кто это?

– Есть тут одна, – смеётся Женька. – С детсадовской скамьи.

Тут она замечает розовую упаковку с бантиком у меня в руках и с хитрым выражением лица спрашивает:

– А это что?

– А-а, это. Не знаю. В подъезде подобрала, – шучу я.

– А, ну тогда ладно. Давай, раздевайся. Уже почти все собрались. – Женька разворачивается, словно собирается идти в комнату.

– Ладно-ладно, это тебе, – останавливаю я её и протягиваю подарок, – С днём рождения!

– О-о! – радуется она, – А что это у нас тут такое?

Раздвигается с бантиками и обёрткой в несколько секунд.

– Ух ты! Класная какая!

Я подарком довольна – цепочка с небольшой подвеской в виде тувельки поблёскивает камешками. Женька бросается меня обнимать и целовать.

– Класс, Личчи, какая красота. Надень-ка!

Когда я пытаюсь застегнуть на Женькиной шее цепочку, раздаётся звонок в дверь.

– Это ко мне!

– К кому же ещё, капитан очевидность, – бормочу я.

Женька открывает дверь, входит незнакомый парень. Я залипаю взглядом.

– Привет, Тим! Заходи. Вы с Личчи последние. Все уже ждут! – Женька щебечет что-то ещё, но я не слышу.

– Привет, мы не знакомы. Я – Тимофей, – представляется гость.

Я в ступоре. Меня приморозило. Не могу ни оторвать от него глаз, ни сказать что-либо приличное. Слава Богу, Женька заполняет паузы.

– Та-ак, Тим, давай, куртку сюда. Личчи, давай-ка, идёте в комнату. Проходите. Ребята, кто не знает, знакомьтесь, это – Тимофей, то есть Тима, и Анжелика.

– Лица, – машинально поправляю я, но этого,

кажется, никто не замечает.

Никто, кроме Тимофея. Он смотрит на меня, и словно не видит никого в комнате. А у меня от его взгляда скручивает в животе.

3.

Настоящее. Алёна

Спускаюсь по ступенькам, Тимин тату-салон находится в просторном полуподвальном помещении сталинского дома.

Мне всегда тут нравилось. В приёмной стоит большой кожаный диван, дальше администраторская стойка, заваленные альбомами столы. Везде витает запах кожи и чёрной ванили. Потом ещё комната, разделённая на два рабочих места: Тимкино и Олега – партнё-ра по бизнесу.

Мне до сих пор странно приходить сюда в роли Тиминой подруги.

Колокольчик на двери мелодично звякает за моей спиной. Тимка с клиентом сидят на диване, выбирают дизайн.

– Привет, милая! – Он поднимается, чтобы меня поцеловать.

До сих пор не привыкну, что он мой. Как это случилось? Сколько лет я его ждала? Как пришла на

татуировку, так и пропала.

– Проходите, – сказал он, когда я вошла в эти двери в первый раз, – Что ищете?

– Жар-птицу... – сказала я растерянно, вбирая глазами высокого, стройного молодого мужчину. Тёмные волосы подбриты, чтобы показать роскошную геометрию тату на висках, чёлка падает на глаза. А они умопомрачительные, тёмно-серые, и мгновенно вызывают у меня в воображении предгрозовое небо. Орнаменты тату поднимаются к плечам от тыльных сторон ладоней, он словно сошёл со страниц книги про викингов.

– Давайте вместе поищем, от чего сможем оттолкнуться, – говорит он. Глаза под тёмными бровями улыбаются.

– Садитесь. Сейчас дам альбомы, с которых начнём.

Тогда я понимаю, что стою, как истукан, у подножия лестницы и просто на него пялюсь. Хуже становится, только когда он садится рядом и показывает длинными пальцами, на какие картинки мне следует обратить внимание. От него волшебным образом пахнет. Я не могу сконцентрироваться на том, что он говорит, но понимаю, что тату я сделаю. Сделаю столько, сколько поместится на моём теле, только чтобы ещё увидеться с ним.

И вот, необъяснимым, невероятным образом, он – мой!

– Ты подождёшь? – спрашивает Тима, возвращая меня в реальность. – Мы заканчиваем выбирать один небольшой символ. Если хочешь, посиди, потом пойдём вместе.

– Я собиралась в магазин зайти, у нас сливок для кофе нет, и в аптеку думала заскочить, – говорю я.

– А, хорошо, что ты про аптеку сказала, мне маме нужно мази занести. Ребята с Индонезии привезли, помнишь, она заказывала?

Я не против зайти к его маме, поэтому предлагаю:

– Давай, я схожу в магазин и маме всё по пути занесу, а потом вернусь и вместе пойдём домой.

– Было бы отлично! Возьми ключ, мама на работе. Просто зайти и на тумбочке в коридоре оставь.

Я поднялась на третий этаж, отперла дверь, положила пакет с мазями на тумбочку в прихожей. Уже собиралась уходить, как услышала доносящиеся с кухни голоса. «Нужно поздороваться!» – сообразила я.

Начала расшнуровывать ботинки, когда до меня донёлся диалог:

– Тань, что случилось? Бог мой, да на тебе лица нет, – взволнованным голосом спрашивала у Тиминой мамы соседка Галя. – Давай, может, чаю?

– Нет покрепче чего-нибудь?

– Тань, ну что случилось-то?

Я слышала, как она хлопала дверцами шкафчиков.

– Коньяк? – удивленно спросила Галя.

– В самый раз, – ответила тётя Таня.

На минуту воцарилась тишина. Потом звякнуло стекло о стол.

– Давай, – сказала тётя Таня.

Ещё секунда тишины.

– Ну ты даешь, коньяк посреди дня пить. Рассказывай, – потребовала соседка.

– Ой, Галь... не знаю я, что делать. Сил моих больше не осталось. Мой дурит снова.

– Тимка?

Я невольно затаила дыхание.

Дурит?

– Ага, – подтвердила тётя Таня, – Ну вот, Галь, как так-то? Дал Бог сына! У меня от его дурости голова раскалывается. В начале недели появился с утра пораньше, с сумкой. «Мам, я дома поживу».

Опять – двадцать пять! А ведь его квартира уже год как готова.

Как год готова?

Если квартира готова уже год, то почему мы до сих пор на съёмной живём. Ну, до нынешней недели жили. Пока Тимка не сказал, что поживёт пару недель у мамы, а потом в квартиру переезжать будет.

Про квартиру я только слышала. Друзья восхищались – какой дом, а вид, а место... Я спросила один раз, он меня мягко, но так твёрдо остановил:

– Придержи, милая, любопытство. Придёт время, всё сама увидишь.

Только вот время до сих пор так и не пришло.

Тётя Таня со вздохом продолжила:

– Квартира готова, а он всё не переезжает. Деньги на съёмную зря тратит. А тут, вообще, сюда появился. Я одного боюсь, что он снова эту свою ждёт.

У меня пульс зашкалил за двести. Да и Галя, видно, теряла терпение:

– Кого ждёт-то, Тань? Ты мне нормально объясни.

Но Тимкина мама, как и не слышала, продолжала:

– Я ведь, как дура, надеялась, что отсохло.

Сколько можно мужику нервы мотать-то? Я думала, что история эта осталась в прошлом ... Нет же, не отпускает она его.

Кровь стучала в висках, я прислонилась к стене и боялась пропустить хоть слово. Соседка снова спросила:

– Да объясни ты, что случилось? Кто «она»?

– Эта его... Приехала опять! – тётя Таня выплюнула имя, как глоток яда. Замолчала, потом продолжила:

– Не знаю, откуда он знает, но он всегда знает. Она не звонит ему. Просто приходит. А он, как дурак, с кем бы он ни был, с кем бы ни жил, домой возвращается и ждёт её.

Я чувствовала, как похолодели руки и как пересохло в горле. Глотать стало не сложно, а невозможно. Я знала про какую-то давнюю историю. Слышала «звон». Тимкины друзья подробностями не делились, отмалчивались. Я старое беречь не хотела. Жила в моменте, где Тимка был моим. И где не было прошлого, только настоящее.

Зачем мне думать обо всех тех, кто был до. Он же выбрал меня. Так ведь?

Так? Или нет...

– Давай-ка, выпей ещё. Тебя, того и гляди, удар хватит, – говорит Галя.

Снова стук стопок. Представляю себе тётю Таню, всегда спокойную и сдержанную. Я и понятия не имела, что она может коньяк стопками хлестать.

– Галь, как я намучилась с ними, ей-Богу! Он же год нормально живёт, а как лето, эта стерва сюда прётся.

Мы два года вместе.

У меня голова идёт кругом от всех мыслей, что роятся в голове. Кто мне может рассказать, что это за история, и кто такая «эта стерва»?

А тётя Таня продолжает:

– Она приезжает, и Тимку как подменяют. Несколько лет назад у него зазноба была, серьёзная такая – Юля. Нравилась она мне, детишки у неё были – два мальчика. Тимку она любила страшно. А он по-настоящему счастлив был. Я, во всяком случае, так думала. Он и в детишках души не чаял. А в середине июня домой пришёл. Я смотреть на него не могла, лицо серое, глаза запавшие – кожа да кости. Он детей этих как своих любил. Но ушёл. Всё лето с этой своей провёл. Как в наркотическом угаре. Не оторвать друг от друга. А потом снова-здорово – она уехала, он – у разбитого корыта. Смотреть на всё это сил моих больше нет!

Я не знала, как заставить себя развернуться и уйти. Промелькнула мысль выйти и сказать, что

случайно я услышала кусочек разговора. Узнать больше. Но какие шансы, что тётя Таня что-то расскажет? И не решит при этом, что меня дурно воспитали, раз я подслушиваю чужие разговоры.

Но я подслушивала, и заставить себя двигаться я никак не могла.

– Сейчас чайник поставлю, – сказала Галина. – Довольно тебе на сегодня коньяку.

Она гремела чайником и открывала-закрывала кухонные шкафчики. Потом спросила:

– И кто она такая?

Тётя Таня громыхнула чем-то на столе, я так и представила, как она всплеснула руками:

– Любовь его первая!

Первая любовь Тимки! Конечно, у каждого есть первая любовь, но он к ней возвращался из других отношений и не раз! Это не умещалось в голове. И совсем на него не похоже.

– Детьми ещё совсем были, когда закрутилось у них, – рассказывала тётя Таня. – Всю школу проходили за ручки. А потом она учиться уехала. Пока училась, приезжала каждое лето. Родители её живы были. Теперь у неё здесь из родственников только тётка осталась. Тимка семь лет ждал, надеялся. А потом пришёл как-то вечером. Я его таким пьяным никогда – ни до, ни после – не видела.

А костяшки на руках, как сырого мяса кусок, всё в кровь разбито. Я перепугалась, уж не убил кого?

Татьяна замолчала. Засвистел чайник. У меня в голове тоже что-то свистело.

– И что это было? – спросила Галя.

– Неделю слова мне не сказал. Как с привидением жила. Вроде и мой сын, а вроде – человек чужой. Перед работой – кофе с сигаретой, после работы – кофе с сигаретой. Он до этого и не курил никогда. То на кровати лежит, в потолок смотрит, то на подоконнике сидит, и всё курит. Через неделю только заметил, что я тоже в квартире живу.

Они замолчали, моё же сердце билось, как у лошади на скачках.

– Он тогда обнял меня крепко так и сказал: «Ну, что ты, мам, глазами меня сверлишь. Замуж она вышла. Всё кончилось», – тётя Таня прочистила горло и тихо добавила:

– И, Галь, по мне, так лучше бы тогда всё и закончилось.

Я потихоньку стала отступать к дверям. Достаточно услышала, чтобы сон потерять.

Что мне теперь делать?

Вернуться к Тимке и потребовать объяснений, но за что? За то, что он съехал к маме? Перед

переездом в свою собственную квартиру? Он со мной уже два года, и никогда у меня не было причин его ревновать или подозревать.

Последнее, что я в тот день слышала в квартире Тимкиной мамы:

– Сахар в кофе будешь? – спросила Галя.

– Да не надо, так нормально.

– А что дальше-то было?

– Да замуж она вышла, за профессора. Банальная история, киношная даже какая-то.

– Слишком киношная, – согласилась Галя.

– А после окончания в университете преподавать осталась. Но на лето возвращалась. Каникулы у учителей длинные. Вот и приезжала. Сначала к родителям. Потом родители умерли, квартира здесь осталась. Я всё надеялась, что время пройдёт, она её продаст и перестанет душу Тимке рвать. Не тут-то было.

– Тань, – перебила Галя, – Но муж-то как? Как же?

– А как муж... Не знаю я, как. Я только то, что тут было, видела. Первые несколько лет Тимка сопротивлялся. Ссорились они так, что только двери с петель не летели. То она заплаканная, то он чернее тучи. А потом он смирился. Не понимаю я ничего, не спрашивай.

Я закрыла за собой дверь. В подъезде прислонилась лбом к прохладной стене. Что мне теперь с этой информацией делать, я не представляла.

4.

Прошлое. Тима

– Тимас, привет! – Лёха трясёт меня за плечо, а я не могу оторвать взгляд от девчонки.

Как, Женя сказала, её зовут? Анжелика?

Как героиню в старинном романе. Она действительно как из книги или с картины какой. Глазищи огромные, зелёные, с длинными тёмными ресницами, волосы угольные крупными кольцами по плечам, кожа белая, а губы такие яркие, что я еле заставляю себя не пялиться. Когда она улыбнулась, на щеках появились две симметричные ямочки, и я заметил лёгкие веснушки на переносице.

Я хотел бы смотреть на неё часами. Рисовать её. Лёха замечает мой взгляд:

– Видишь, Тимас, а ты не хотел идти. Я тебе говорил, у них классная компания. И девчонки, смотри, какие!

Сажусь на диван рядом с ним, а он наклоняется и шепчет мне на ухо.

– Именинница чур моя. А подружку можешь себе забирать.

Я отвожу взгляд от Анжелики и удивлённо смотрю на друга. Лёха неправильно трактует мой взгляд:

– А что? Я с ней первый познакомился. Она мне нравится.

Как же хорошо, что нам с тобой нравятся разные девчонки!

– Я так рад, что мы встретились. А не хотел идти на этот день рождения. Именинница – какая-то новая Лёхина знакомая. И что, если бы я не пошёл? Я бы не встретил тебя. Я так рад, что пошёл, Анжелика.

Мы сидим на полу в тёмном подъезде первой попавшейся многоэтажки, где-то на полпути к её дому. Наши пальцы переплелись, и я никак не могу проглотить плотный комок в горле.

– Мне не нравится моё имя, – сказала она. – Дома меня называют Тото, потому что в детстве я отказывалась на своё имя отзываться.

– Почему Тото? – спрашиваю я.

Она поворачивается, я смутно различаю овал её лица, свет осенних фонарей этажом ниже едва

разбавляет мрак подъезда. Из квартир доносятся приглушённые звуки обыденной жизни, а у меня всё перевернулось с ног на голову. Моя жизнь перестала быть обыденной пару часов назад. Я улыбаюсь, Тото – такое странное и такое милое имя.

– Даже не знаю, почему именно Тото. Но я не была против. Ты можешь называть меня Ликой. Так меня зовут друзья.

– Лика – тоже красиво, – сказал я.

Она засмеялась:

– Так же красиво, как Тото?

– Ага.

– Ты когда-нибудь целовался? – неожиданно спросила она.

У меня пересохло во рту. Такой простой вопрос, но ответить на него невозможно.

– Нет, – в конце концов сказал я севшим голосом. – Но очень хочу поцеловать тебя.

Лика должна была вернуться к десяти. Я проводил её и пришёл домой в начале одиннадцатого.

– Тимашка, ну как день рождения? Чем занимались? – встретила меня мама.

А я не мог разговаривать. Мне нужны были

тишина и темнота моей комнаты.

– Да всё хорошо, мам, – отмахнулся я. – Спать пойду, завтра рано в художку.

Спать я не мог. Сидел за столом и выводил в тетрадке на разные лады её имя.

Лица, Лица, Лица.

Вся жизнь вдруг слилась в один прекрасный момент – мягкие губы пахнут малиной, и поцелуй на вкус как лето. Кажется, я влюбился.

5.

Настоящее. Соседка Галина

Галя покачала головой. Она всегда думала, что Татьяне повезло с сыном. И работает, и заботливый – матери поможет всегда. И подруга у него, Алёна, такая приятная. Всё думала Галя, отчего не женится парень. Всё у него есть, всё как положено.

Гале и самой стало бы легче, если бы Тима женился уже. Дочке семнадцать, а замирает при виде соседа, как лань зачарованная.

Этот восторг Галя отметила давно. Сидела она пару лет назад у Татьяны, чай пили. Раздался звонок в дверь.

– Галь, Лера пришла? – позвала Татьяна из коридора.

Лерка стояла в прихожей, в меховой шапке и новом белоснежном пуховике. Розовощёкая, глаза сверкают. Но от материнского взгляда не укрылись и другие детали – помада новая, глаза накрашены слишком ярко.

– Мам, я к Машке пойду, – отчиталась дочь.

– Иди, но чтоб до одиннадцати дома.

Лерка всё мялась у порога.

– Ма, я кошелёк принесла. Дай мне денег, пожалуйста, мы с девочками пиццу закажем.

И тут открылась дверь, и вошёл Тима.

– Добрый вечер, – поздоровался он.

Вот тогда-то и появилось у Лерки в глазах то самое выражение, от которого у Гали кровь застыла в жилах.

– Добрый вечер, Тима, – поприветствовала она его.

– Привет, сынок! – сказала Татьяна.

А Лерка позабыла и про пиццу, и про девочек, и про мамин кошелёк. Галя видела, что дочь сейчас и имя бы своё не вспомнила.

Тима посмотрел на девушку:

– Привет, ты, должно быть, Лера. А чего вы не проходите?

Он скинул куртку и прошёл в кухню.

– Мам, я котлеты погрею? – крикнул он уже

из кухни.

– Доча, ты денег-то хочешь? – спросила Галя.

Лера стряхнула с себя оцепенение, с трудом оторвала взгляд от двери, за которой скрылся Тима.

– Ага. Мам, это и есть тёти Танин сын? – прошептала она.

Мечтательное выражение лица дочери тревожило Гаю ещё долго после того, как она выпроводила её за дверь со строгим:

– В одиннадцать чтобы дома!

Глава 6

Прошлое. Тима

Лица сидит на подоконнике, на ней моя футболка, и это не даёт мне покоя.

Одна только футболка, а под ней ничего.

Ликина призывная улыбка сменяется задумчивой:

– Я считаю, нам нужны правила, – заявляет она внезапно.

– Правила? Зачем нам правила?

Перекатываюсь на спину, теперь она сидит прямо надо мной. Гладкие икры касаются моей щеки.

Только футболка...

Она насмешливо смотрит на меня сверху.

– Не подбирайся. Ничего не получишь, пока у

нас не будет своего правила.

Я закрываю глаза тыльной стороной ладони и громко вздыхаю.

– Хорошо. Ты наверняка его уже придумала. Выкладывай!

Она спрыгивает с подоконника и ложится рядом. Её подбородок упирается мне в живот.

– Это очень хорошее правило. Тебе понравится. Давай никогда не будем друг от друга ничего скрывать. Если я тебя спрошу, о чём ты сейчас думаешь, ты скажешь правду. Я тоже всегда скажу, как есть.

Переворачиваюсь и подминаю её под себя.

– Ну, спрашивай!

– Ты меня специально раздавил? – смеётся она. – Мне не выдохнуть под твоей тяжестью.

Приподнимаюсь на руках.

– Спрашивай!

– Ну хорошо, о чём ты думаешь? – спрашивает она.

Мои руки синхронизировались с мыслями, но я всё же отвечаю.

– Уже битых полчаса я думаю о том, что у тебя под футболкой ничего нет.

7.

Настоящее. Лица

В коридоре всё по-прежнему. Как и подъезд, квартира Тиминой мамы не изменилась, это немного успокаивает. Не расстёгивая, сковыриваю сандалии. Тима уже прошёл на кухню.

– Чай будешь? – спросил он.

– Буду, – ответила я, – Только руки помою.

Села на край ванной и пытаюсь успокоиться. Самое страшное позади.

Он здесь, у мамы. Значит он один... или не значит? Он впустил меня. Это ведь хорошо? Да?

Набираю в ладони холодной воды и прижимаю к горячим щекам.

Сейчас мы спокойно попьём чаю, и я ему всё объясню. Я смогу всё объяснить!

На кухне Тимка стоит у окна. Я сажусь и подвигаю к чашке сахарницу. Долго размешиваю сахар, Тима всё не поворачивается.

Я скучала по тебе... я так по тебе скучала.

Он не поворачивается.

– Тим? Сядь, пожалуйста, – прошу тихо.

Сначала он снова наливает воды в чайник и ставит на плиту. Я грею пальцы об чашку и жду. Когда наконец он садится, я хочу просто сказать спасибо, но во рту всё пересохло, и не выходит не

звука.

– Не нужно, – говорит он.

– Не нужно чего?

– Не нужно разыгрывать жертву.

Киваю:

– Не стану. Тим, выслушай меня.

– Почему я должен слушать?

Я всегда вижу, когда он злится. Всё написано на лице – на виске выступает венка, а под глазами светлые круги.

– Я знаю, ты зол, но позволь мне объяснить.

– Для чего ты приехала?

Я так долго готовилась объяснить, почему я не приезжала так долго. Но он хочет знать, для чего я приехала.

Я растерялась, а он встал и вышел из кухни.

Завибрировал телефон. Я взглянула на экран. На секунду сердце ухнуло вниз и забило в пустоте. В горле сжался комок. Я словно услышала голос Прохора:

– Привет, Ангел мой, чем занимаешься в своём скучном городишке?

Но эти слова – они из прошлой жизни. Воображаемый голос – тоже. Он не может меня

спрашивать, где я. Не может звать меня Ангелом. И звонить он мне не может! Номер незнакомый. Я отклонила звонок, отключила звук и пошла за Тимой.

Он стоял в своей комнате у окна. Я подошла, встала рядом. Он молчал, и я не знала, что сказать. Поэтому просто протянула руку и накрыла его упирающуюся в подоконник ладонь своей.

– Прощу тебя, Тим. Посмотри на меня.

Он не оборачивался. Но руку не убрал. Я чувствовала холод его кисти. У него всегда холодные руки, когда он нервничает.

– Тим...

– Зачем ты здесь? – спросил он.

Он не смотрит в мою сторону, словно разговаривает с кем-то за окном, и это меня разозлило.

– А ты? – спрашиваю я.

Этот вопрос заставляет его посмотреть на меня. Я обрадовалась и продолжала наступать:

– Почему ты здесь? У мамы. Только не говори, что ты здесь живешь! – Я резко развернулась и подошла к шкафу. Распахнула двери, не обращая внимания, как они хлопают о стены.

– Скажешь, ты здесь живёшь? Где же тогда твои вещи?

Шкаф зияет пустотой, лишь разномастные вешалки висят на перекладине и несколько целлофановых пакетов пылятся на антресолях.

– Хочешь сказать, что ты здесь не потому, что ждал меня?

Наши взгляды скрестились.

– Скажи. Что ты. Меня. Не ждал.

– Я тебя ждал! – Его голос срывается. – Три года назад стоял у окна и ждал!

От выражения его лица моё сердце медленно, покачиваясь маятником плывёт вниз.

– Тогда, Лика, тогда я тебя ждал! Неделю за неделей! А когда не дождался, решил, что это было в последний раз.

В голове я судорожно перебирала слова. Те, что могли спасти меня. Те, что ещё могли хоть что-то спасти. Но в голове будто разъединились какие-то важные проводки. Я не находила слов. Остались только мелкие, дешёвые оправдания. Нужные аргументы рассеялись бессонными ночами, которые я провела, представляя нашу встречу. Встречу, на которой нужны сильные, смелые и убедительные слова. Они не находились. В конце концов дрожащим голосом я выдавила:

– И ты не хочешь знать, что случилось тогда?

Тима сжал полированную дверцу шкафа,

костяшки пальцев побелели. Он посмотрел на меня зло и со всей силы захлопнул дверцу. Когда она отскочила Тима изо всей силы двинул её кулаком. В этот раз она закрылась.

Я отступила на шаг назад. А он словно увидел меня. Подошёл ко мне, и приподнял лицо за подбородок. Взгляды снова скрестились.

– Ты немного опоздала с объяснениями, – произнёс он уже почти спокойно. – Но в одном ты права. Я всё же ждал тебя.

Я замерла и перестала дышать. Он погладил меня по лицу.

Пальцы прохладные. Такие родные.

– Хотел дождаться, чтобы сказать тебе, что всё кончено.

– Я хочу знать, почему, – неожиданно для себя сказала я.

Он снова отошёл к окну. Я смотрела ему в спину. Он не обернулся, просто сказал:

– Я встретил женщину. У меня с ней есть будущее.

Глоток воздуха застрял в горле и никак не проталкивался вниз. Его аргументы оказались сильнее моих. Пока я «разматывала» себя, переклеивала и переделывала, он искал. И он нашёл своё будущее.

Я ждала, что мы сядем и поговорим. Что смогу рассказать ему, почему не приехала раньше. Что мы поплачем над потерянным временем, и потом всё вернется на свои места. Всегда возвращалось.

Наивная идиотка! Самонадеянная гусыня! С чего я взяла, что он будет сидеть и ждать всю свою жизнь?

В голове медленно плыл густой туман. Грудь заливало болезненным липким теплом. Кровь словно перестала течь через сердце и затопила грудную клетку.

Тима так не обернулся.

8.

Настоящее. Тима

Три года. Три долгих года я ждал её. Но не так, как думала она. На этот раз я ждал не для того, чтобы снова быть с ней. Нет, только не после того, что она сделала.

Лица открыла шкаф и словно взяла с полки надежду. Теперь эта надежда светится в её глазах. Но возврата к прошлому больше нет.

Беру её за руку. Пальцы дрожат.

Чьи? Мои или её?

Я должен сделать это. Должен это прекратить.

Ради себя и той, которой я дорожу.

Двадцать лет бесконечной агонии. Каждое лето, каждый год в моём дневнике. Я не писал в нём, я рисовал. Лето две тысячи шестого, две тысячи девятого, лето, лето, лето... Эти дневники здесь – в шкафу. В нижнем ящике, но Лика о них не знает.

Она заглядывает мне в глаза, старается что-то разглядеть. Я молюсь, чтобы не разглядела.

А ещё я злюсь. Она не слушает. Или не слышит. Ведёт себя, будто знает что-то такое, чего не знает никто другой. Это злит больше всего. Я готов разбить этот пустой шкаф, чтобы она поняла – в этот раз ей придётся обратиться из моей жизни навсегда. И не будет никаких объяснений!

9.

Прошлое. Тима

Мы с Ликой серьёзно поссорились. Нет, конечно, мы ссорились и раньше, но так – никогда.

Мой семнадцатый день рождения превратился в полную катастрофу.

– Ты полный идиот! – кричит она.

Наша компашка тусит на даче Марка, и мне пришлось закрыть дверь на веранду, чтобы друзья не испугались разбушевавшейся валькирии. На этот

раз я совершенно согласен с нею.

Я полный кретин. Имбецил.

Пытаюсь её обнять, но она отталкивает меня. Такая тоненькая, но такая сильная. И очень-очень злая.

– Лика, послушай, я совершил ошибку и не оправдываюсь! – пытаюсь объяснить я. – Просто выслушай меня!

– А ты! Ты меня выслушал? Или стал обвинять меня перед нашими друзьями? Дебильная, идиотская реакция! Как будто тебе мозг отключили! Как ты вообще смеешь такое говорить!

– Тимас, слышь, мы там нальём? – в дверь сунулся Лёха.

Лика дёргается с явным намерением отцемить ему голову. Я перехватываю её в последний момент. Она яростно отбивается, но мне удается схватить её за руки и прижать к стене. Она тяжело дышит и пытается меня лягнуть.

– Хорошо, хорошо, прошу, не калечь меня. Я ввожу правило номер два.

Она на мгновение затихает, а я воодушевляюсь:

– Правило номер два гласит – никогда не делай выводов, не выслушав. Никогда не суди без того, чтобы дать объясниться.

Заглядываю ей в лицо. В этот раз она не

пытается меня ударить. Уже хорошая новость. Но всё ещё подозрительно щурится.

– И что это значит? – спрашивает она.

Я понимаю, что почти выиграл бой.

– Это значит, что я идиот, и что я должен был спросить и дать возможность объяснить, а не делать выводы.

– Какие выводы?

Она сощуривается ещё сильнее.

– Глупые, совершенно неприемлемые, идиотские и...

Я не успеваю договорить. Она смотрит на меня исподлобья и говорит:

– Я люблю тебя, как ты не понимаешь. Правило номер один уже даёт тебе возможность спросить что угодно и гарантирует, что я скажу правду. Правило номер два – оно тоже хорошее...

Я не слушаю, перестал слушать после первых трёх слов.

– Повтори, – говорю я.

– Правило номер два...

– Не это. То, что было вначале.

Она дотягивается до моей щеки губами и шепчет.

– Я. Люблю. Тебя.

Лучший день рождения в моей жизни!

День рождения в конце концов получился весёлым. Лёха – виновник нашего с Ликой раздора – обрадованно засвистел.

– Ну что, помирились, голубки?

Лика ущипнула его.

– Ай! За что? – возмутился Лёха.

Я ткнул его в бок с другой стороны.

– Ай-х, всё, с меня хватит! Два сапога – пара! Мы сегодня будем праздновать или что?

– Будем! – говорим мы с Ликой в один голос.

А начался день совсем не радужно. Впервые за полтора года я приревновал. Позвонил я Лике ещё утром. Хотел провести день рождения только с ней.

Как часто день рождения выпадает на субботу? Да почти никогда!

Я всё спланировал. Сначала пойдём на закрытый каток. Потом поведу её в авиарий. Она обожает птиц, особенно больших цветных попугаев. Каждый раз, когда их показывают по телеку, Лика застывает как заколдованная и не двигается с места, пока передача не закончится.

Я примчался с художки и первым делом бросился звонить:

– Привет, – ответила она сонным голосом.

– Проснись и пойдёшь, соня!

– Рано ещё! – возмущается она.

– Рано? Я уже ходил в спортзал и в художку.

– Ну, некоторым нравится вставать в пять утра, а другим – нет. Я ещё совершенно сонная.

Слышу, как она зевает.

– Но уже начало двенадцатого!

Всегда удивлялся, как она любит поспать. И ещё напрягает то, что она не вспомнила о моём дне рождения.

– Да ну тебя, ты хуже Тильды. Тоже всё время ворчит, что я всю жизнь просплю. А у меня что есть? Только выходные и есть, чтобы поспать. Я у неё не люблю ночевать, всё время врывается в спальню в девять утра.

– Ну, зато на завтрак ты получаешь самое вкусное на свете печенье.

– Это – несомненный плюс. Я, кстати, сейчас выпила бы Тильдиного какао. И овсяное печенье с ромовым изюмом, хрустящая корочка, м-м-м...

Я слушал и улыбался.

– Ты как бабка-сладко-ёжка.

– Люблю печенюшки.

Я собрался с мыслями:

– Лик, слушай, давай сегодня встретимся часа в четыре. На каток ходим...

Вторая часть плана была сюрпризом.

– В четыре? – переспросила она, подумала и сказала, – Не, сегодня не смогу в четыре.

– А, ну давай попозже, только не очень поздно, да?

– Знаешь, я обещала сегодня Лёхе, что встречусь с ним. У них там с Женькой какие-то проблемы.

Я слышу, как она вздыхает. Добавляет со смехом:

– Сам знаешь, эти подростковые драмы.

А мне не до смеха. Совсем. Она мало того, что не помнит про мой день рождения, ещё и с Лёхой куда-то идёт. А мне Лёха сказал, что с Женькой у них в этот раз точно всё.

– Ну ладно, если не можешь, то в следующий раз.

Я положил трубку, даже не попрощавшись.

– Тимаш, иди сырничков поешь! – позвала мама.

– Я попозже, ма, – ответил я и поплёлся в свою комнату.

Упал на постель. В голове крутилось и жужжало.

Как она может? Почему она делает это в мой день рождения? Я, как идиот, строю тут планы. Да кому они сдались. Точно не моей девушке!

Настроение билось в районе плинтуса. Я был расстроен и в то же время злился на себя.

Зачем я положил трубку? Можно же было нормально спросить, когда она освободится. Вместо того, чтобы мрачнее тучи бродить по торговому центру, я бы просто подождал её дома. Сделал бы заранее домашку, что такого?

Я убивал время в магазинчике товаров для рисования. Купил новые карандаши и пару тюбиков краски. Долго стоял смотрел на скетчбук в красивой коричневой коже. Показалось дорого, и я расплатился только за карандаши и краски. Молоденькая продавщица сказала:

– Я вас здесь часто вижу. Вы бы карту клиента сделали.

Странно, не замечал её до этого. Хотя, что тут удивительного, я никого, кроме Лики, не вижу!

– А долго это? – спрашиваю я, впрочем, не то чтобы я куда-то спешил. – А давайте сделаем!

Девушка обрадованно достаёт анкету.

– Это быстро. Вот сюда имя, дату рождения, телефон и адрес электронной почты.

Заполняю графы и протягиваю анкету девушке.

– Спасибо! – она мило улыбается. – Секундочку. Я только заполню в базе и дам вам клиентскую

карту!

Она ловко перепечатывает данные.

– О-о, да у вас сегодня день рождения! – восклицает она. Я как будто снова получаю удар под дых.

– Ага, – бормочу я безо всякого энтузиазма.

– Погодите-ка, – девушка стрелой уносится в подсобку.

Возвращается с маленьким голубым пакетиком с синим бантом. На нём написано „It’s an artist boy!“ и нарисованы цветные воздушные шарики.

В пакетике открытка и точилка. Лучшая точилка в этом магазине – недешевая.

– Вы уверены? – спрашиваю я, – Я знаю, сколько это стоит.

– А я знаю, сколько карандашей вы покупаете, – говорит девушка, – прошу вас, берите! С днём рождения!

Она краснеет, и я, чтобы не смущать её ещё больше, принимаю щедрый подарок.

– Спасибо большое!

Выхожу из магазина. Пытаюсь затолкнуть покупки в подарочный пакетик, мешает открытка. Достаю, это – не открытка! Это – форма для оформления карты клиента. С данными

продавщицы. Девушку зовут Рита.

Я рад, что отошёл достаточно далеко от магазинчика, чтобы она меня не видела. Сую бумажку обратно в пакетик. И тут вижу их!

Сердце дёрнулось и встало, стало тошно. Они идут вдоль магазинов этажом выше. Лёха что-то рассказывает и машет руками, как ветряная мельница, а Лика идёт рядом и весело смеётся.

Они останавливаются у небольшого кафе. Лёха встаёт в очередь, а Лика садится за свободный столик. Тёмные кудри рассыпались по спине, она в синем платье. Мой любимый цвет. Он делает её зелёные глаза глубокими, как подсвеченное северным сиянием небо. А её кожа кажется перламутровой.

Я сжал кулаки и пошёл к эскалатору.

Подошёл к столику, Лика подняла глаза и увидела меня. Она оглянулась на Лёху, потом снова посмотрела на меня. Я сел напротив.

– Привет, – сказала она неуверенно.

– Привет, – ответил я.

Дальше всё разворачивалось, как в дурном сериале.

– Ты могла бы мне сказать, – зло процедил я.

– Сказать что?! – невинно удивилась Лика, глаза большие и такие искренние. Этим она разозлила меня ещё больше.

– Что ты со мной расстанешься! И что ты! С моим лучшим другом...

– С твоим другом? Тима, что ты несёшь?

– У тебя что, вообще нет принципов? – почти кричу я. – А как же честность?

Лика ничего не ответила, она просто смотрела мне за спину.

– Ты мне даже в глаза не смотришь!

Грудь стягивало, и перед глазами всё плыло. Лика встала, и я видел, как побелели её губы. Она всё ещё смотрела мне за спину.

На Лёху!

– Ты идиот, Тимофей, – тихо сказала она. – И только твой день рождения и присутствие здесь твоих друзей останавливают меня от того, чтобы вlepить тебе пощёчину.

Друзей?

Я обернулся. За спиной у меня стоял Лёха с целым подносом кофе и остальные – Окси, Марк, Женька, Ромка, Андрюха и Светик – все с подарочными пакетами. Над Женькиной головой болтались штук двадцать воздушных шариков.

– Ну, ты... Тимыч! – тихо сказал Лёха, – Весь сюрприз изгадил!

Я растерянно оглянулся на пустой стул. Лика быстро шла к эскалатору.

– Лика! – крикнул я. – Лика!

Она побежала по эскалатору вниз, я бросился за ней.

10.

Настоящее. Лика

Я выскочила из Тимкиного подъезда.

– Куда ты, как ошпаренная? – воскликнула какая-то женщина, которую я едва не зашибла дверью.

Не помню, как дошла до дома. Я не видела города, в котором не была три года. Не обращала внимания на людей. Почти бежала.

Наши с Тимой дома разделяет большой сквер и пара кварталов, застроенных старыми домами. Привычный маршрут, пятнадцать минут быстрым шагом.

Дома хожу неприкаянно из угла в угол. Нераспакованные чемоданы так и стоят в прихожей. Ведь я даже не переоделась, бросила вещи возле двери и помчалась к нему.

Эту старую Тильдину квартиру в моей семье называют холостячкой. Я жила в ней, когда приезжала в город, начиная с первого курса университета. Позже выкупила и сделала ремонт.

Холостячка мне нравилась. Две комнаты: спальня, проходная гостиная, огромный коридор и ванная. Небольшая, но удобная кухня. Сегодня даже в любимой квартире мне никак не найти себе места.

Мама всегда хотела, чтобы я останав-ливалась у них с отцом. Я же любила свободу, которую давала холостячка. После смерти родителей в их старую квартиру я ходила, только чтобы сделать себе больно. Никак не решалась её продать или пустить туда кого-то жить. Так она и стояла тихая и статичная, как музей.

Я поставила чайник, открыла ящик с чайными принадлежностями. Кофе в банке за три года растерял аромат. Нашла запакованную пачку с заваркой. Достала пакетик и заварила. Сахар закаменел. Я не смогла отколоть ни кусочка. Нужно идти в магазин. Попозже схожу. Всё равно сначала нужно подключить холодильник.

Села за стол с несладким чаем и набрала Женьку.

– Женёк, привет! Я приехала.

– Боже мой, Личчи! Это и правда ты? Сколько же.... Как я рада... А что у тебя с голосом? Что-то случилось?

– Да нет.

Я замолчала, и поняла, как глупо это звучит.

– Да кого я обманываю, Женёк, случилось. Я виделась с Тимой, – я помолчала, Женька меня не торопила.

– Он мне сказал, что у него появился важный человек в жизни. И он не может...

Я не подобрала нужного слова.

Чего он не может? Уйти от неё? Вернуться ко мне? Не может больше верить мне? Не может больше ждать? Или жить так, как я заставляла его жить всё это время?

Но Женьке не нужно было много слов. Она понимала обрывки фраз, а порой междометия и просто паузы. Она сказала:

– Я Мию к маме закину и приеду. Ты где?

– В холостячке.

– Скоро буду.

Пока я ждала Женьку, спустилась в магазинчик внизу. Купила крекеров, сыра, кофе, сливок и вина. Дома порезала сыр на палочки и разложила на тарелке печенье. Включила чайник и снова села у окна. В голове абсолютная пустота, словно мысли снесло мутным потоком.

Я не могу думать о Тимке. Я должна дождаться Женьку, и мы что-нибудь придумаем. Обязательно... Иначе не может и быть.

Какое пыльное окно. Нужно помыть.

Мысли текли в два потока. Я думала о том, что нужно помыть окна, и в то же время никак не могла перестать думать о том, как он смотрел на меня.

Что же мне делать? Я должна как-то ему объяснить, что случилось. Но как объяснить остальное...

Зазвонил мобильник, я вздрогнула.

– Женёк, ты внизу?

– Ага, какой тут код?

Я диктую ей код и выскакиваю на лестничную площадку. Она поднимается бегом, я ловлю и обнимаю её.

– Господи, наконец-то ты пришла!

Несколько минут спустя завариваю кофе, получив чашку, Женька морщится.

– Личь, когда ты уже купишь кофе-машину? Со студенчества не пила такой дрянной заварухи.

Я улыбаюсь:

– Куплю, куплю. Просто мне всегда нравился такой. По-простому. Хочешь, сварю для тебя в турке?

– Да нет. Знаешь же, я так. Поворчать. Садись, рассказывай.

Я выливаю на неё весь сумбур:

– Он мне сказал, что у него есть девушка. И он видит с ней свое будущее, – я поражаюсь тому, как

от этих слов болит сердце.

– Чёрт! Эта его Алёна! – восклицает Женька.

– Расскажи мне про неё, – прошу я.

Женька тяжело вздыхает.

– Я не знаю, что тебе сказать. Она до противного нормальная.

И снова колет в груди. Я знаю, что слово «нормальная» не самый лестный эпитет, но сам факт, что так её оценивает моя лучшая подруга... Я хмуро усмехаюсь.

– Говори, как есть. Если только не хочешь сказать, что она стала твоей лучшей подругой вместо меня.

Горько улыбаюсь. Женька игнорирует комментарии и только молча закатывает глаза. Потом откидывается спиной на стену.

– Давай-ка, доставай вино. Не чайный это разговор.

Я достала из холодильника бутылку розового. Оно ещё не охладилось.

– Так-то лучше, – одобрила подруга.

Она подняла бокал.

– Хорошо, что ты тут. Но я и правда не знаю, что будет у вас дальше с Тимой, – задумчива говорит она.

– Эта Алёна, кто она? – мне не терпится узнать

подробности.

– Бывшая его клиентка. Они уже два года вместе.

Женька задумалась.

– Да, точно! Он её впервые с собой на Олежкин день рождения привёл.

– Олега? Это его партнёр по салону?

– Ага.

– И чем она отличается от предыдущих? – спросила я.

Этот вопрос казался мне самым важным.

– Я думаю, ничем, просто ты тогда, в последний раз, уехала. Он совсем разбитый был. Он и раньше злился, скучал, депрессовал. А тут, знаешь, совсем потерянный. Что у вас тогда произошло?

– Я расскажу тебе, Женёк, чуть позже. Это разговор даже не под вино.

Она кивнула.

– Ничего нет, наверное, в этой Алёне особенного. Но она человек хороший и симпатичная. А тебя не было слишком долго. И ещё, наверное, ты уходила слишком часто.

Я отвернулась к окну. Небо было чистым, но в воздухе появился запах грядущей грозы.

– Личь, ну а что ты хотела. Рано или поздно это бы случилось.

– Я знаю... Просто... – я не знала, как закончить эту мысль. Ничего больше никогда не будет «просто».

– А что с Прохором? Ты собираешься к нему вернуться?

– Нет. С ним всё кончено.

Женька покачала головой. Отставила бокал. Я сделала то же самое. Для вина не хватало драйва.

– Поехали лучше на море, – предложила Женя. – Тебе не помешает проветриться.

Мы убрали бутылку в холодильник и поехали к Женькиной маме за Мией.

Море блистает под июньским серебряным солнцем. Мы выбрали место подальше от отдыхающих. Мия, не дожидаясь, пока мы расстелем одеяла и разберём сумки, скинула босоножки и кофточку и рванула к воде.

– Солнышко, только недолго, вода ещё прохладная.

– Хорошо, мамочка!

Мия унеслась к морю. И хоть на душе скребли кошки, я не удержалась и улыбнулась.

– А помнишь, как мы сами когда-то?

Я посмотрела на Женьку. Она сидела на краешке полотенца и задумчиво смотрела в сторону

горизонта.

– Нам так же было всё равно, какой температуры вода. Тоже мчались купаться, несмотря ни на что.

Женька тоже улыбнулась:

– Ага, – она помолчала и добавила: – вся наша тогдашняя компашка.

Эта мысль стёрла улыбку с её лица. Я положила руку ей на коленку.

– Как у вас с Лёшей? – спросила я.

Женька пожала плечами.

– Не знаю. Так же...

– Вы говорите?

– Не-а... Бытовуха только. Ну, и Мия в центре внимания.

Женька вздохнула и легла на полотенце рядом со мной. Наши плечи соприкасались.

– Он приходит каждый день, проводит время с Мией. Или берёт её гулять. Иногда оставляет у себя ночевать.

Она повернулась и посмотрела мне в глаза.

– Знаешь, он очень хороший отец. Я вижу, как он её любит, скучает. Но когда Мия остаётся у него, для меня это просто кошмар. Я дома. Совершенно одна. Никому не нужна...

Она отвернулась и спрятала глаза под шляпой.

– Я хочу, чтобы всё наладилось. Я так хочу всё

починить, просто не знаю, как. Столько времени прошло. Я даже не знаю, возможно ли это.

Я рисовала на песке солнце. Над нами завис большой жаркий диск. Море словно расплавилось под ним, песок куда-то плыл. Лёгкий бриз шуршал в тростнике.

– Ты его всё ещё любишь? – спросила я.

Женька долго молчала, потом ответила.

– Никогда не переставала.

11.

Прошрое. Тима

– Ненавижу свои волосы! – раздражённо воскликнула Лика.

– Волосы? – удивился я.

– Да. Они ужасные! Посмотри только на это!

У неё были самые прекрасные кудри, какие я когда-либо видел. Крупные тёмные кольца, пышным халом торчали во все стороны.

– Они совершенно дурацкие. Я похожа на барабашку!

– Ничего ты не похожа, – засмеялся я. – Просто это не твоя длина.

– Как это? – удивилась она.

– Тебе нужно отрастить до плеч, и сама

увидишь. У тебя будет самая шикарная причёска. Как у какой-нибудь актрисы.

Я обнял её и уткнулся носом в «ужасные» волосы. Они пахли перечной мятой. И если бы меня спросили, что я хочу в ней изменить, я бы сказал, что нет ни миллиметра, нуждающегося в улучшении.

– Что ж, стоит попробовать, – улыбнулась Лика, – А ты уверен, прям как у актрисы?

– Уверен. А теперь идём.

Мы наконец выбрались в авиарий. Пока ехали на автобусе, Лика сыпала фактами про птиц.

– Я обязательно заведу какаду. А ты знаешь, что какаду может взять палку и почесать себе спину? Или стучать палкой по дереву, чтобы все вокруг знали, чья это территория. А ещё больше мне нравится ара. Хотя она и не какаду. Я обязательно заведу себе ару. И назову его Птица.

– Просто Птица?

– Ага. Он будет серьёзный и очень умный.

Она ёрзала на сиденье, и было видно, что она никак не дожждётся, когда мы уже доедем.

Только мы вышли из автобуса, полил проливной дождь. Мы побежали к ближайшему переходу между домами, но вдруг Лика потянула меня за руку и остановилась.

Она подняла лицо к небу. Я сделал то же

самое. Дождь был тёплый и лёгкий. Капли не били по коже, они словно гладили её.

– Больше всего на свете я люблю летние дожди,
– сказала она.

А я больше всего на свете люблю тебя!

Вслух я говорю:

– Ты совсем промокла.

– Ну да, если хочешь почувствовать дождь, придётся намочнуть.

В это время небо разрезало пополам яркой молнией. Потом до нас докатился звук.

– А летняя гроза – самое романтическое время во всей вселенной! – добавила она. – Время влюблённых. Знаешь, если бы я так не любила птиц, я бы предложила сейчас же поехать домой и заниматься любовью под звуки грозы и дождя.

Я подумал и сказал:

– Новое правило. Каждый раз в грозу и дождь ты будешь приходить ко мне, и мы будем заниматься любовью.

– Мне нравится! – сказала она и потянула меня назад к остановке.

– Птички подождут. Правило есть правило.

Мы доехали до моего дома. Мама была на работе. Мы ворвались в квартиру, в коридоре скинули обувь.

– Стой, мне нужно снять мокрое. И мне нужно полотенце, – протестовала Лика, но я тащил её мимо двери ванной, напрямиком в свою комнату.

– Я сниму с тебя всё мокрое, и ты высохнешь на простынях.

Когда закончилась гроза, мы не заметили. Дождь барабанил по окнам целую ночь. Я обнимал её, её кожа была горячей и бархатной.

Горячий бархат.

– Принести попить? – спросил я.

Она лениво перевернулась на живот, положила голову мне на плечо.

– Я очень хочу пить. Но даже если бы мы сейчас были в пустыне, и у меня оставались несколько последних часов жизни, я бы не попросила воды. Потому что я не могу тебя отпустить из постели, пока не закончится дождь.

– А что, если дождь не закончится несколько дней?

– Тогда, истощенные, не в силах двигаться, мы будем лежать и обнимать друг друга, живот к животу....

Она подвинулась ко мне, демонстрируя сказанное.

– Грудь к груди, – она подвинулась плотнее.

– Губы к губам, – прошептала она, обдавая

мои губы тёплым дыханием. – Обвивая друг друга, как лианы, выросшие из одного корня.

Мы проснулись утром, и я всё ещё обнимал её. Как лиана лиану.

– Дождь кончился, – прошептал я.

– Очень жаль, – не открывая глаз, ответила она.